

ЛИДИЯ ТИМОЛАЕВА

РАЗВОД
САЛЬФОЙ

ЕГО ИСТИННАЯ
УКРАЛА МОЕГО СЫНА

Лилия Тимолаева

Развод с альфой. Его истинная украла моего сына

<https://litres.ru/74220833>

Аннотация

В день, когда я ждала признания и защиты, мой муж-альфа вывел к стае другую женщину и назвал её своей истинной.

Я могла бы пережить развод. Унижение. Потерю дома и имени.

Но потом он сказал, что наш маленький сын останется в главном доме, потому что он наследник стаи.

Они думали, мать можно вычеркнуть приказом. Думали, я сломаюсь и уйду.

Но если у женщины забирают ребёнка, она перестаёт бояться.

Теперь я верну сына. Узнаю, кто стоит за ложью истинной пары. И заставлю альфу понять: в тот день он потерял не жену.

Он потерял нас обоих.

Содержание

Глава 1. Ты больше не мать	4
Глава 2. Теперь я его мама	32
Глава 3. Приговор	67
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1. Ты больше не мать

Праздничный зал главного дома был полон, но мне казалось, что я вошла не на торжество, а в место, где уже вынесли приговор и теперь только ждали, когда осуждённая сама подойдёт к помосту.

Я остановилась у высоких дверей, на мгновение задержав пальцы на холодной бронзовой ручке. За спиной тихо шелестело моё платье — тёмно-синее, расшитое серебром по вороту и рукавам. Я выбирала его утром почти час, хотя обычно смеялась над женщинами, способными так долго сомневаться из-за ткани и лент. Но сегодня был особенный день. Сегодня Рейгар должен был наконец поставить точку в слухах, которые несколько недель ползли по стае, как сырой туман по низинам.

Я была его женой.

Матерью его сына.

Матерью наследника.

И всё же последние дни на меня смотрели так, будто я уже собирала вещи.

Служанка у входа низко присела, но глаз не подняла. Обычно Нара улыбалась мне, спрашивала, как спал Ноэль, не просил ли утром сладкую лепёшку, которую ему пока нельзя было много. Сейчас она стояла с побелевшими губами и теребила край передника так нервно, что я невольно

почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

— Нара, что случилось? — тихо спросила я.

Она вздрогнула, словно я застала её за чем-то запретным.

— Ничего, госпожа.

Слово прозвучало правильно, почтительно, но в нём не было тепла. Будто она уже мысленно простилась со мной и теперь боялась выдать это голосом.

Я хотела задержаться, расспросить её, но из зала донёсся низкий гул голосов, и один из стражей у двери чуть заметно шагнул вперёд, напоминая: меня ждут. Или не ждут. Я вдруг не смогла понять, что из этого хуже.

В зале горели десятки высоких свечей. Их свет ложился на полированные стены, на гербы старших родов, на тяжёлые кубки в руках мужчин, на гладкие причёски женщин, собравшихся сегодня в лучших нарядах. Стая Блэквуд умела праздновать власть. Здесь даже радость выглядела дисциплинированной, выстроенной по рангу, подчинённой взгляду альфы.

Я сделала несколько шагов, и разговоры начали стихать. Не сразу. Волной.

Сначала замолчали те, кто стоял ближе ко входу. Потом тишина поползла дальше, к середине зала, к помосту, к длинному столу старейшин. Я чувствовала на себе взгляды — осторожные, жадные, сочувствующие, чужие. Слишком много взглядов. Слишком мало приветствий.

Моё место рядом с креслом Рейгара было занято.

Я увидела это не сразу, потому что сначала искала его самого. Высокую фигуру у помоста, тёмные волосы, строгий разворот плеч, знакомую линию подбородка, которую я столько раз видела совсем другой — расслабленной в утреннем свете, когда Ноэль забирался к нам в постель и требовал, чтобы отец изображал страшного волка.

Но Рейгара в зале ещё не было.

А возле его кресла стоял второй высокий стул с резной спинкой. Не тот, на котором обычно сидела я. Мой был проще, ниже, с серебряной вставкой на подлокотнике, которую Рейгар сам приказал сделать после рождения Ноэля. «Чтобы все помнили, кто подарил стае наследника», — сказал он тогда.

Я помнила, как покраснела от гордости.

Теперь моего стула не было.

На его месте стояло кресло, обитое светлой тканью, украшенное тонкой вышивкой в виде луны и волчьих лап. Новое. Торжественное. Чужое.

Где-то справа кто-то резко вдохнул, потом тут же закашлялся, пытаясь скрыть неловкость. Я не повернула головы. Если бы повернула, если бы встретила хоть один сочувствующий взгляд, то, наверное, не смогла бы идти дальше.

Каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Подол платья касался пола, серебряные нити ловили огонь свечей, а мне казалось, будто я иду по тонкому льду и уже слышу первый треск.

«Спокойно, Вивьен. Рейгар всё объяснит».

Я повторила это мысленно один раз. Потом второй.

Он был суровым. Бывал холодным. Мог неделями говорить со мной только о делах стаи, о Ноэле, о безопасности границ, о старейшинах, которые снова спорили с ним из-за древних правил. Но он никогда не был трусом.

Если бы он хотел унижить меня, он сказал бы мне в лицо.

Так я думала.

Так мне было нужно думать.

— Вивьен.

Голос старейшины Ордена прозвучал у самого помоста. Старый оборотень стоял, опираясь на резной посох, и смотрел на меня так, будто уже знал всё и заранее устал от моей будущей боли.

— Альфа просил вас подождать здесь.

Не «госпожа Вивьен». Не «луна дома». Просто имя.

Я остановилась.

— Где мой муж?

В зале стало ещё тише. Я услышала, как где-то капнул воск, как тихо звякнул кубок, поставленный на стол слишком поспешно. Орден отвёл взгляд первым, и от этого внутри у меня похолодело.

— Альфа скоро выйдет.

— А Ноэль? — спросила я уже тише. — Он в детской?

— Наследник под присмотром.

Ответ был коротким, правильным и почему-то страшным.

Утром Ноэль проснулся раньше меня. Сначала я почувствовала маленькую пятку у себя под рёбрами, потом его тёплую ладонь на щеке. Он пах молоком, свежей простынёй и тем особенным детским теплом, которое всегда заставляло меня улыбаться ещё до того, как я открывала глаза.

— Мама, ты красивая? — спросил он сонно.

— Ещё нет, — прошептала я и поймала его пальчики губами. — Но постараюсь.

— Для папы?

Я засмеялась тогда тихо, чтобы не разбудить весь дом.

— Для папы. И для тебя.

Ноэль серьёзно подумал, потом выдал:

— Для меня синее платье. Как ночь.

Я выбрала синее.

Теперь это казалось не нежным воспоминанием, а последней ниточкой, связывающей меня с утром, где ещё всё было живым и настоящим.

Двери за помостом распахнулись.

Все разом повернулись.

Рейгар вошёл первым.

Даже сейчас, когда сердце уже билось неровно и тревожно, часть меня отозвалась на его появление привычным теплом. Это было почти унижительно — понимать, что тело помнит любовь раньше, чем разум успевает защититься. Он был в чёрном парадном камзоле с серебряной застёжкой у горла, волосы зачёсаны назад, лицо спокойно. Слишком спо-

койно для мужчины, чья жена стоит перед всей стаей и не понимает, почему её место заняла другая.

А потом я увидела её.

Селин Морроу шла рядом с ним, положив ладонь на его руку.

Она была прекрасна той красотой, которая не требовала усилий и потому казалась особенно несправедливой. Светлые волосы спадали на плечи мягкими волнами, платье цвета тёплого жемчуга подчёркивало тонкую шею и хрупкие запястья. В ней не было ни вызывающей яркости, ни грубой победы. Она выглядела так, будто действительно имела право находиться рядом с альфой. Будто весь зал, все свечи, все молчаливые взгляды были приготовлены именно для неё.

Я ждала, что Рейгар посмотрит на меня.

Он не посмотрел.

Он подвёл Селин к новому креслу, помог ей подняться на помост, и только после этого повернулся к стае.

В этот момент я ещё могла бы выдержать многое. Объяснение. Политический союз. Временное решение старейшин. Даже признание, что он совершил ошибку. Я держалась за крошечную надежду так крепко, что пальцы свело болью.

Рейгар поднял руку, и зал замер.

— Сегодня стая Блэквуд услышит моё решение, — сказал он.

Его голос был ровным, властным, знакомым до каждой низкой ноты. Этим голосом он отдавал приказы воинам,

успокаивал совет, останавливал споры одним словом. Когда-то этим же голосом он шептал мне, что у нашего сына будут мои глаза.

— Долг альфы — ставить благо стаи выше личных желаний.

Старейшины склонили головы. Кто-то одобрительно пробормотал древнюю формулу согласия.

Я стояла внизу, перед помостом, и смотрела на мужа, который говорил так, будто меня здесь не было.

— Долг альфы — признавать волю крови, когда она открывается.

Селин чуть опустила ресницы. Очень красиво. Очень скромно.

Моя грудь стала тесной для вдоха.

Нет.

Только не это.

— Селин Морроу, — произнёс Рейгар, и имя разлетелось по залу, как тонкое лезвие, — моя истинная пара.

Стая выдохнула.

Не удивлённо. Не возмущённо.

С облегчением.

И вот тогда я поняла самое страшное: они знали. Не все, возможно. Но многие. Достаточно многие, чтобы сегодня не прозвучало ни одного потрясённого крика. Достаточно многие, чтобы моё унижение было не неожиданностью, а частью заранее подготовленного торжества.

Я смотрела на Рейгара и ждала, что сейчас мир остановится, что стены треснут, что зверь внутри меня взвояет от боли так, как воют потерявшие пару. Но ничего не произошло. Свечи горели. Люди дышали. Селин стояла рядом с моим мужем, и её рука всё ещё лежала на его рукаве.

— Рейгар, — сказала я.

Не громко, но в зале было достаточно тихо, чтобы меня услышали.

Он наконец посмотрел на меня.

В его глазах не было растерянности. Не было вины, которую я так отчаянно искала. Только тяжёлая решимость человека, давно принявшего решение и теперь вынужденного довести его до конца.

— Вивьен.

Я ненавидела, как спокойно он произнёс моё имя.

— Что это значит? — спросила я.

Хотела, чтобы голос прозвучал твёрже, но в нём всё равно дрогнула боль. Я услышала её сама и увидела, как Селин чуть заметно наклонила голову. Не с сочувствием. С интересом.

— Это значит, что стая получила истинную луну, — ответил Рейгар.

В зале кто-то тихо одобрительно зашумел, но быстро смолк под моим взглядом.

— А я? — спросила я.

Вопрос был слишком коротким для всех тех лет, которые стояли за ним. Для ночей, когда я ждала Рейгара с границы.

Для утра, когда родился Ноэль, и он впервые опустился перед нашей постелью на колени, не стесняясь слёз. Для всех дней, когда я училась быть женой альфы среди тех, кто считал меня недостаточно знатной, недостаточно сильной, недостаточно достойной.

Рейгар задержал взгляд на моём лице. На миг мне показалось, что что-то в нём дрогнуло, но это исчезло так быстро, что я решила: показалось.

— Наш брак будет расторгнут.

Слова упали между нами тяжело и окончательно.

Я услышала женский шёпот слева. Кто-то сказал: «Бедная». Кто-то другой прошипел: «Она должна была понимать». Я не понимала. До этой секунды не понимала ничего, кроме одного: если я сейчас позволю себе рухнуть, они запомнят меня именно такой.

Жалкой.

Отвергнутой.

Лишней.

Я выпрямилась.

— Ты объявляешь мне развод перед всей стаей?

— Это решение касается всей стаи.

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как где-то внутри боль начинает превращаться в тугой, горячий узел. — Это касается нашей семьи.

Селин впервые подняла на меня глаза полностью.

Они были светло-серыми, почти прозрачными. Красивы-

ми и холодными.

— Вивьен, — сказала она мягко, и от этой мягкости мне стало хуже, чем от любого крика. — Понимаю, сейчас вам больно. Но иногда семья становится другой, когда открывается истинная связь.

Мне захотелось спросить, сколько ночей она провела, подбирая эту фразу. Сколько раз репетировала перед зеркалом взгляд, в котором было ровно столько жалости, чтобы казаться благородной, и ровно столько превосходства, чтобы я поняла своё место.

— Не говорите со мной о семье, — ответила я. — Вы в неё вошли через заднюю дверь и теперь рассуждаете, как расставить мебель.

В зале кто-то резко втянул воздух.

Лицо Селин не изменилось. Только пальцы чуть крепче легли на рукав Рейгара.

— Достаточно, — сказал он.

Одного этого слова когда-то хватало, чтобы остановить любого. Воина. Старейшину. Спорщика за столом совета.

Но во мне что-то уже надломилось слишком глубоко, чтобы я испугалась.

— Нет, Рейгар. Недостаточно. Ты вывел её к стае, объявил истинной, сказал о разводе. Теперь скажи остальное. Скажи всё при мне.

Старейшина Орден шагнул вперёд.

— Вивьен, сейчас не время...

— Для кого? — я повернула к нему голову. — Для меня? Или для вас, потому что вам неприятно смотреть на женщину, которую вы решили вычеркнуть?

Орден сжал губы.

Рейгар спустился с помоста на одну ступень. Не ко мне. Просто ниже, чтобы его голос звучал ближе и весомее.

— Документы подготовлены, — сказал он. — Тебе будет выделен дом на южной окраине земель стаи, содержание и охрана на первое время.

Я смотрела на него и почти не узнавала.

Дом.

Содержание.

Охрана.

Он говорил так, будто распределял имущество после неудачной сделки. Будто не видел перед собой женщину, которая знала, где у него на правой ладони старый шрам, потому что сама перевязывала его после нападения северных волков. Будто не помнил, как я сидела возле его постели после ранения и считала каждый вдох, боясь, что следующий не прозвучит.

— Я не уйду, — сказала я тихо.

— Уйдёшь.

В этом был весь Рейгар. Не просьба. Не угроза. Приговор.

И всё же главным страхом стал не он. Страх пришёл с другой стороны, из того места, где в моих мыслях всегда был Ноэль.

— Где мой сын?

Рейгар молчал слишком долго.

Мир сузился до его лица.

— Ноэль останется в главном доме, — произнёс он наконец.

Я не сразу поняла смысл слов. Они коснулись слуха, но разум отказался принять их, как тело отказывается принять смертельный удар в первую секунду.

— Что?

— Он наследник стаи.

— Он мой сын.

— Он сын альфы.

Слова были почти одинаковые, но между ними легла пропасть.

Я сделала шаг вперёд, и два стража у помоста напряглись. Рейгар чуть повернул голову, останавливая их без приказа. Даже сейчас он контролировал всё: зал, стаю, моё движение, чужое дыхание.

Только мою боль он уже не контролировал.

— Ноэлю три года, — сказала я. — Он засыпает только с синим волчонком. Он боится грома. Он просит воду, когда нервничает, даже если не хочет пить. Он зовёт меня, когда просыпается ночью. Ты слышишь меня, Рейгар? Он зовёт меня.

На его лице что-то дрогнуло. Совсем немного, но я увидела. Увидела и вцепилась в это, как в последнюю возмож-

ность.

— Он привыкнет, — сказал Рейгар.

Я замерла.

Селин опустила глаза, будто ей было неловко. Но губы её оставались спокойными.

— Дети гораздо легче принимают перемены, чем нам кажется, — произнесла она. — Главное, чтобы рядом были те, кто способен дать им правильное воспитание и устойчивость. Наследнику нужна будущая луна стаи. Женщина, признанная кровью, а не только старым договором.

Старый договор.

Вот чем я стала.

Не женой. Не матерью. Не женщиной, с которой Рейгар прожил годы.

Старым договором.

Я повернулась к ней так резко, что серебряная вышивка на рукаве блеснула в свете свечей.

— Если вы ещё раз назовёте моего сына переменой, которую он должен принять, я забуду, что вокруг нас стоит половина стаи.

Селин побледнела. Или сделала вид, что побледнела. Рейгар поднялся на последнюю ступень, становясь между нами.

— Вивьен.

— Я хочу видеть Ноэля.

— Сейчас это невозможно.

— Почему?

Он не ответил.

И вот это молчание оказалось страшнее любых слов.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. В зале стало душно, слишком тесно, слишком много чужих запахов: воск, вино, шерсть меховых накидок, железо оружия, сладкие духи женщин. Под всем этим я пыталась найти один-единственный запах — тёплый, детский, мой. Но Ноэля здесь не было.

— Где он? — спросила я.

Рейгар сделал шаг ко мне.

— Он в безопасности.

— Я спросила, где он.

— С няней.

— В детской?

Снова пауза.

Такая маленькая, что другой мог бы не заметить.

Я заметила.

Я развернулась и пошла к боковой двери, ведущей в жилое крыло.

Страж у прохода попытался встать передо мной.

— Госпожа...

— Отойди.

Он не отошёл. Молодой, широкоплечий, из новой охраны Рейгара. Я даже не помнила его имени. Ещё вчера он кланялся мне во дворе, когда я выводила Ноэля смотреть на щенков у псарни. Сегодня смотрел мимо моего лица, будто я уже

перестала быть той, кому нужно подчиняться.

Я подняла голову.

— Я мать наследника. Повтори мне приказ, по которому ты имеешь право не пустить меня к моему ребёнку.

Он сглотнул.

За моей спиной шаги Рейгара прозвучали по камню. Медленно. Тяжело.

— Пропусти, — сказал он.

Страж отступил.

Я не поблагодарила. Если бы открыла рот, из меня вырвалось бы что-то такое, что уже нельзя было бы собрать обратно.

Коридор встретил меня прохладой.

Шум зала остался позади, но не исчез. Он стал глухим, как море за толстой стеной. Музыканты почему-то снова начали играть, неуверенно, сбиваясь на первых тактах. Может быть, кто-то решил, что праздник должен продолжаться. Праздник чужой истинной. Чужой победы. Моего конца.

Я шла быстро, почти бежала, придерживая платье одной рукой. Вторая скользила по стене, по деревянным панелям, по холодным перилам, когда я свернула к лестнице. Всё здесь было знакомым до боли: длинный ковёр с вышитыми ветвями, портреты прежних альф, узкое окно с видом на внутренний двор, где Ноэль любил считать фонари. Раз, два, три, четыре — потом сбивался и начинал сначала, сердясь на собственные пальцы.

Утром я несла его по этому коридору на руках, потому что он заявил, что ноги у него ещё спят.

— Тогда пусть ноги спят, — сказала я. — А мой маленький волчонок поедет на маме?

Он обнял меня за шею и засмеялся прямо в ухо.

«Мама, ты пахнешь домом».

Я споткнулась на ступени и едва не упала.

Сзади раздались шаги. Рейгар шёл за мной. Не спешил, но его шаг был шире, и я знала, что он догонит, если захочет. Я ненавидела эту уверенность. Ненавидела, что даже сейчас часть меня ждала: он остановит, развернёт к себе, скажет, что всё зашло слишком далеко, что Ноэля никто не посмеет отнять у матери.

Но он молчал.

И это молчание толкало меня вперёд сильнее любого крика.

У двери в детскую стояла Мира, няня Ноэля. Её лицо было серым. В руках она сжимала маленькую льняную салфетку с вышитым краем. Ту самую, которой утром вытирала Ноэлю рот после каши.

Когда она увидела меня, глаза её наполнились слезами.

— Где он? — спросила я.

Мира открыла рот, но не произнесла ни звука.

Я схватилась за ручку двери и толкнула.

Детская была пуста.

Сначала я увидела свет. Тёплый, вечерний, падающий из

окна на ковёр. Потом низкий столик, на котором остались деревянные кубики. Один лежал на боку, с нарисованной луной. Потом маленький стул, сдвинутый так, будто Ноэль недавно вставал слишком быстро. Одеяло на кроватке было откинута. Подушка смята.

А на полу возле кровати лежал синий волчонок.

Я медленно вошла.

Всё во мне стало слишком тихим.

Я наклонилась и подняла игрушку. Мягкая ткань была тёплой или мне только показалось. У волчонка одно ухо давно держалось на кривом шве, потому что Ноэль однажды решил, что зверь должен уметь слушать лучше всех, и тянул его за это ухо целый день. Я обещала перешить аккуратнее, но Ноэль не позволил. Сказал, так волчонок настоящий.

Я прижала игрушку к груди.

— Где мой сын?

Мира заплакала беззвучно.

— Госпожа, я не могла... мне приказали... его забрали сразу после полудня. Сказали, что так будет лучше, чтобы он не испугался шума.

После полудня.

Когда я выбирала платье.

Когда думала, что готовлюсь к празднику.

Когда улыбалась воспоминанию о Ноэле и его «как ночь».

Они уже забрали его.

Я повернулась к Рейгару. Он стоял в дверях детской. Боль-

шой, тёмный, чужой.

— Ты забрал его заранее.

— Я хотел избежать сцены.

Сцены.

Мой ребёнок плакал где-то без меня, а он хотел избежать сцены.

Я сделала к нему шаг. Потом ещё один. В руке всё ещё был синий волчонок, и почему-то именно это не давало мне закричать. Если я закричу, мне казалось, игрушка рассыплется, как последняя тонкая связь с сыном.

— Где Ноэль?

— В западном крыле.

— Я иду к нему.

— Нет.

Одно слово.

Оно встало между мной и дверью, между мной и коридором, между мной и моим ребёнком.

Я посмотрела на Рейгара так, будто видела его впервые.

— Ты не можешь запретить мне видеть сына.

— Могу, если твоя встреча с ним сейчас навредит ему.

Я рассмеялась.

Смех вышел тихим, сорванным, почти страшным. Мира за моей спиной всхлипнула.

— Навредит ему? Рейгар, ему три года. Его забрали от матери в день, когда его отец решил привести в дом другую женщину. Ты правда думаешь, что ему навредит моя встре-

ча, а не всё остальное?

В его взгляде мелькнула боль. Настоящая. Живая.

Но он снова спрятал её за властью.

— Сейчас он должен успокоиться.

— Со мной он успокоится.

— Он должен привыкать к новым условиям.

Я вцепилась пальцами в мягкую игрушку так сильно, что шов на ухе затрещал.

— Ты слышишь себя?

— Я делаю то, что обязан.

— Нет. Ты делаешь то, что удобно. Себе. Стае. Ей. — Я кивнула в сторону коридора, где наверняка уже стояла Селин или её тень, потому что такие женщины редко пропускают момент окончательной победы. — Только не Ноэлю.

Рейгар шагнул в комнату. Пространство сразу стало меньше. Он всегда заполнял собой любое место, но раньше это давало ощущение защиты. Теперь стены детской словно придвинулись ко мне.

— Ты думаешь, мне легко? — спросил он глухо.

Эти слова ударили неожиданно. На секунду я даже потеряла дыхание от возмущения.

— Легко? — повторила я. — Ты хочешь, чтобы я пожалела тебя?

— Я хочу, чтобы ты поняла.

— Что именно? Что ты нашёл истинную? Что разводишь-ся со мной перед стаей? Что забрал у меня сына заранее, по-

тому что боялся моей сцены? Объясни, Рейгар. Я очень хочу понять, в какой момент ты решил, что моя боль важит меньше твоего удобства.

Он сжал челюсть.

В коридоре послышался лёгкий шелест платья.

Я не обернулась. Уже знала.

— Рейгар, — сказала Селин мягко. — Может быть, не стоит сейчас продолжать? Вивьен слишком потрясена.

Она стояла у двери, не заходя внутрь. Идеальная. Сдержанная. С выражением лица, которое должно было изображать сочувствие. Но её взгляд скользнул к синему волчонку в моих руках, и в нём мелькнуло удовлетворение.

Моё сердце дрогнуло от ярости.

— Выйдите из детской моего сына.

— Вивьен, я не желаю вам зла.

— Тогда выйдите.

Селин чуть побледнела, но не отступила.

— Ноэль теперь находится под защитой дома альфы. И я понимаю, что вам трудно это принять, но ребёнку нужна спокойная обстановка. Он не должен видеть вашу боль и путаться в том, что происходит.

— Мой сын не путается, когда зовёт мать.

Тишина после этих слов стала острой.

И именно в ней я услышала.

Сначала мне показалось, что это память. Что разум, измученный болью, сам вытащил из утра детский голос, чтобы

добить меня окончательно. Но потом звук повторился.

Где-то далеко, за стенами, ниже по коридору или за поворотом западного крыла, заплакал ребёнок.

— Мама!

Я замерла.

Мира вскинула руку к губам.

Рейгар резко повернул голову.

— Мама! Мамочка!

Мир сорвался с места.

Я бросилась к двери.

Рейгар успел перехватить меня у порога. Его пальцы сомкнулись на моём запястье, не больно, но крепко. Слишком крепко для человека, который когда-то держал эту же руку, когда я рожала его сына, и шептал, что никогда не позволит мне страдать одной.

— Пусти.

— Вивьен, остановись.

— Пусти меня к нему!

Впервые я закричала.

Не на всю стаю. Не для зала. Только для него. Для мужчины, который стоял между мной и плачущим ребёнком.

Из коридора донёсся ещё один крик Ноэля, уже захлёбывающийся:

— Мама, не уходи!

Что-то во мне оборвалось.

Я рванулась так сильно, что Рейгару пришлось удержать

меня обеими руками. Синий волчонок выпал на пол. Селин отступила, прижав ладонь к груди, но я видела: она не испугалась. Она наблюдала. Запоминала. Училась, как глубоко можно ударить мать, прежде чем та перестанет быть человеком и станет одной болью.

— Он зовёт меня! — Я пыталась вырваться, но Рейгар был сильнее. Всегда был сильнее. — Ты слышишь? Он зовёт меня!

Его лицо изменилось. На мгновение власть альфы исчезла, и передо мной оказался отец. Мужчина, который тоже слышал этот голос. Мужчина, который не мог не понять, что делает.

Но потом из коридора появился старейшина Орден.

— Альфа, — сказал он напряжённо. — Наследника уведут дальше. Сейчас нельзя допустить...

— Замолчи, — прошептала я.

Орден посмотрел на меня с жалостью, и эта жалость была почти хуже ненависти.

— Вивьен, ради ребёнка...

— Не смейте произносить это.

Рейгар отпустил моё запястье только для того, чтобы закрыть собой проход. За его спиной стражи начали двигаться. Я слышала шаги, приглушённые голоса, детский плач, который становился дальше.

Дальше.

Моего сына уносили от меня дальше.

Я ударила ладонью в грудь Рейгара. Один раз. Второй. Не чтобы причинить боль — я знала, что не смогу. Чтобы он почувствовал хоть что-нибудь. Чтобы перестал быть камнем.

— Верни его.

Он молчал.

— Рейгар, прошу тебя.

И вот это «прошу» сломало меня сильнее крика. Я ненавидела себя за него, но сказала. Ради Ноэля сказала бы и хуже.

— Дай мне его обнять. Один раз. Пусть он увидит, что я не бросила его. Пусть он знает, что я здесь.

Селин тихо произнесла:

— Иногда короткая встреча только усиливает боль расставания.

Я повернула голову.

— Вы говорите так, будто уже решили, что расставание будет.

Она выдержала мой взгляд.

— Решение принял альфа.

Я снова посмотрела на Рейгара.

Он стоял неподвижно, но я видела, как тяжело поднимается его грудь. Видела, что он слышал сына. Видела, что ему не всё равно. И именно поэтому его молчание стало предательством окончательным, полным, без возможности оправдаться незнанием.

— Ты правда позволишь ей стать ему матерью? — спро-

сила я тихо.

Рейгар закрыл глаза на мгновение.

— Никто не заменит тебя.

— Но ты уже заменяешь.

Он открыл глаза.

— Ноэль останется здесь.

Во мне не осталось воздуха.

За спиной заплакала Мира. Где-то далеко хлопнула дверь, отрезая последний звук детского голоса. В коридоре снова стало тихо, но эта тишина уже не была пустой. Она была набита моим сыном. Его плачем. Его испугом. Его протянутыми ко мне руками, которых я не видела и всё равно чувствовала так ясно, будто они до сих пор цеплялись за мою шею.

Я медленно наклонилась и подняла синего волчонка.

На этот раз Рейгар не остановил.

Игрушка была маленькая, жалкая, с надорванным ухом. Я прижала её к себе, чувствуя, как ткань впитывает слёзы, которые я даже не заметила.

— Посмотри на меня, Рейгар.

Он посмотрел.

Возможно, в этот момент он ждал истерики. Проклятий. Обморока. Мольбы. Любой реакции, с которой ему было бы проще справиться как альфе: приказать, запретить, приказать увести, приказать успокоить.

Но я вдруг стала очень спокойной.

Не потому, что боль ушла. Она стала слишком большой,

чтобы помещаться в голос.

— Сегодня ты забрал у меня не дом, — сказала я. — Не имя. Не место рядом с тобой. Всё это я бы пережила.

Селин стояла у двери молча. Старейшина не двигался. Мира плакала за моей спиной, закрыв рот салфеткой Ноэля.

Я сделала шаг к Рейгару и остановилась совсем близко. Так близко, что увидела тёмную полоску усталости под его глазами. Может быть, он плохо спал. Может быть, это решение далось ему не так легко, как он хотел показать.

Мне было всё равно.

— Ты забрал у меня сына, — произнесла я. — И однажды ты поймёшь, что именно в эту минуту потерял нас обоих.

Его лицо застыло.

Я прошла мимо него к двери.

Стражи не знали, что делать, и смотрели на альфу. Рейгар не отдал приказа. Возможно, думал, что я ухожу. Что сломалась. Что сейчас меня проводят в отведённые покои, потом в дом на окраине, потом из моей жизни постепенно вырежут Ноэля, оставив редкие вести и милостивые разрешения видеть сына по праздникам.

Я дошла до порога и обернулась.

— Где бы ты его ни спрятал, я найду его.

Селин впервые потеряла свою мягкую улыбку.

Совсем ненадолго.

Но я увидела.

И поняла: она боится не моей боли. Не моих слёз. Не мо-

его унижения перед стаей.

Она боится, что я не соглашусь исчезнуть.

Я крепче прижала к груди игрушку Ноэля и вышла в коридор. Внизу всё ещё звучала музыка, будто праздник продолжался, будто в этом доме не плакал ребёнок, не умирала семья, не рождалась ненависть, которой суждено было пережить эту ночь.

У лестницы меня догнала Мира.

— Госпожа, — прошептала она, дрожа всем телом. — Простите меня. Я не смогла. Я правда не смогла.

Я посмотрела на неё и увидела не предательницу, а испуганную женщину, которую тоже заставили молчать.

— Где западное крыло заперто?

Она побледнела ещё сильнее.

— Вас не пустят.

— Я спросила не это.

Мира оглянулась на детскую, на коридор, на тени стражей у дверей. Потом быстро наклонилась ко мне.

— Есть старая лестница для прислуги. За бельевой комнатой. Но там теперь охрана у нижнего прохода.

Впервые за весь вечер внутри меня шевельнулось что-то, похожее не на боль.

На действие.

Я кивнула.

— Иди. Не показывай, что говорила со мной.

— Госпожа...

— Мира.

Она замолчала.

— Если увидишь Ноэля, скажи ему, что мама не ушла. Скажи, что мама рядом.

У неё задрожали губы.

— Скажу.

Я пошла по коридору медленно, чтобы не вызвать подозрений, но каждый шаг внутри меня был бегом. За спиной остались детская, Рейгар, Селин, старейшины, новый трон для истинной луны и вся стая, решившая, что мать можно отодвинуть от ребёнка так же легко, как убрать лишний стул из зала.

Они ошиблись.

Я ещё не знала, как верну Ноэля.

Не знала, кто поможет мне, кто предаст, кто закроет передо мной двери, а кто ночью оставит их приоткрытыми.

Но впервые с того момента, как Рейгар произнёс имя Селин, я ясно поняла одну вещь.

Женщину можно отвергнуть.

Жену можно развести.

Но мать нельзя отменить приказом альфы.

Я свернула к бельевой комнате, чувствуя под пальцами мягкую ткань синего волчонка. Где-то далеко, за стенами главного дома, снова раздался короткий детский всхлип — или мне только показалось.

Я остановилась, закрыла глаза и беззвучно ответила сыну:

«Я иду, мой мальчик».

А когда открыла глаза, увидела на полу у двери маленький след.

Крошечный отпечаток детской ладони на светлой пыли.

Ноэль был здесь.

И его уводили не в западное крыло.

Глава 2. Теперь я его мама

Я смотрела на маленький отпечаток детской ладони и не могла заставить себя вдохнуть.

Пыль на полу возле бельевой комнаты была почти незаметной, светлой, тонкой, словно её не успели стереть после спешки. На ней отпечатались четыре коротких пальчика и край ладошки — не взрослой, не чужой, не случайной. Я знала эту ладонь лучше собственной. Знала крошечную ямку у основания большого пальца, знала, как Ноэль сжимал пальцы, когда сердился, и как разжимал их во сне, если я гладила его по голове.

Он был здесь.

Его действительно провели этим коридором.

Значит, Мира не ошиблась только в одном: сына увели не туда, куда сказали. Западное крыло было ложью. Ещё одной ложью в этом доме, где сегодня ложью оказались праздник, моя роль жены, милосердие Рейгара и мягкая улыбка Селин.

Я опустила на корточки, всё ещё прижимая к груди си-него волчонка, и осторожно коснулась пола рядом с отпечатком. Не самого следа. Я боялась стереть его даже дыханием. В этом маленьком пятне пыли было больше правды, чем во всех словах, сказанных сегодня перед стаей.

— Ноэль, — прошептала я так тихо, что едва слышала себя.

За моей спиной где-то в отдалении всё ещё шумел праздник. Музыка стала громче, увереннее, будто кто-то приказал музыкантам играть во что бы то ни стало. Будто можно было заглушить детский плач скрипками и барабанами. Будто можно было заставить зал поверить, что сегодня в главном доме Блэквудов родилась новая счастливая семья, а не разорвали старую.

Я провела взглядом дальше по коридору. За бельевой комнатой начиналась служебная часть дома: узкие двери, потемневшие от времени панели, низкие арки, куда редко заходили гости и почти никогда — старейшины. Там пахло крахмалом, горячим деревом, сухими травами для шкафов и мылом, которым стирали детское бельё. Я часто приходила сюда сама, хотя мне говорили, что жене альфы не пристало проверять простыни и полотенца. Но после рождения Ноэля во мне поселился странный, почти смешной страх: вдруг ткань будет слишком грубой, вдруг запах окажется резким, вдруг его кожа покраснеет.

Сейчас эти воспоминания казались частью другой жизни. Такой близкой, что можно было протянуть руку, и такой недостижимой, будто между мной и ею уже стояла не дверь, а годы.

Я поднялась.

Синий волчонок оставался у меня в руках. Мне хотелось спрятать его под плащ, защитить, как самого Ноэля, но плаща на мне не было, только праздничное платье, слишком

красивое для ночи, в которой мать ищет украденного ребёнка по следам на пыльном полу.

Я сделала шаг к двери бельевой.

И услышала позади голос Рейгара:

— Вивьен.

Он не кричал. Не приказывал. Просто произнёс моё имя, и в этом спокойствии было всё, что я теперь ненавидела: уверенность, власть, привычка считать, что мир остановится, если он потребует.

Я не обернулась сразу.

Сначала медленно выпрямила спину, заставила пальцы разжаться на игрушке, чтобы не порвать старый шов. Потом повернулась.

Рейгар стоял в конце коридора, на расстоянии нескольких шагов. Свет настенных ламп ложился на его лицо неровно, делал скулы резче, тени под глазами глубже. За его спиной маячили двое стражей, но он поднял руку, и они остались дальше, не приближаясь.

Когда-то этого жеста мне хватило бы, чтобы почувствовать себя защищённой. Сегодня я увидела только другое: одним движением он мог остановить людей, открыть дверь, закрыть коридор, приказать увести ребёнка. И всё это он уже сделал.

— Ты шёл за мной? — спросила я.

Голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. Может быть, потому что внутри всё ещё стояла тишина после крика Ноэля.

— Я не мог позволить тебе бродить по дому одной в таком состоянии.

— В каком таком?

Он задержал взгляд на моём лице. На моих волосах, выбившихся из причёски. На платье, помятом у подола. На синем волчонке в руках. Я видела, как его взгляд остановился на игрушке чуть дольше, чем нужно, и эта крошечная задержка больно кольнула меня под рёбра.

Он помнил.

Он тоже помнил, как Ноэль таскал этого волчонка за собой по всем комнатам, как однажды сунул игрушку Рейгару в руки и потребовал: «Папа, охраняй. Он боится совета». Рейгар тогда посадил волчонка рядом с важными бумагами и сделал вид, что назначает его младшим стражем.

Я помнила его смех.

А теперь передо мной стоял тот же мужчина и не пускал меня к ребёнку.

— Где мой сын? — спросила я.

— Я уже сказал.

— Ты солгал.

Рейгар чуть нахмурился.

— Следи за словами.

Раньше такая фраза заставила бы меня замолчать. Не от страха, а от привычки жить рядом с силой и не задевать её без нужды. Сегодня во мне не осталось места для осторожности.

Я указала на след у двери.

— Его провели здесь. Не в западное крыло. Здесь. Маленький ребёнок оставил след на полу, Рейгар. Он был здесь босиком или на руках? Он плакал? Он тянулся назад? Кто нёс его? Кто приказал?

На последнем слове мой голос всё же сорвался.

Рейгар посмотрел вниз. На отпечаток.

Я ждала, что он скажет: это не Ноэль. Что попытается отрицать очевидное. Но он молчал слишком долго, и в этом молчании я слышала ответ.

Он не знал.

Не всё. Не до конца.

Эта мысль вспыхнула так внезапно, что я едва не шагнула к нему. Но тут же остановила себя. Я больше не имела права хвататься за каждую тень надежды, которую он мог дать мне случайным движением лица.

— Ты не знал, — сказала я.

Рейгар поднял глаза.

— Ноэль должен был быть в западном крыле.

— Но его там нет.

— Я разберусь.

— Ты разберёшься? — Я тихо рассмеялась, чувствуя, как смех царапает горло. — Пока ты разбираешься, моего сына носят по тайным лестницам, прячут от меня и заставляют кричать так, что его слышно через половину дома.

— Он не в опасности.

— Откуда ты знаешь?

Вопрос прозвучал слишком резко.

Рейгар шагнул ближе, и я увидела, как в его взгляде мелькнула тень настоящего раздражения. Не на меня, скорее на самую ситуацию, которая вдруг перестала подчиняться его приказам. Альфа привык к прямым линиям: сказал — исполнили, решил — приняли, защитил — подчинились. Но ребёнок не был границей на карте. Мать не была строкой в договоре. А Селин, возможно, оказалась не такой прозрачной, как он хотел верить.

— Потому что я отдал распоряжение, — сказал он.

— А я сегодня узнала, сколько стоят твои распоряжения, когда рядом с ними стоит желание твоей истинной.

Лицо Рейгара стало жёстче.

— Не перекладывай на Селин то, что решено мной.

— С удовольствием, — ответила я. — Как только ты покажешь мне Ноэля.

Мы смотрели друг на друга в узком коридоре, где пахло чистым бельём и детским страхом. Между нами лежал маленький отпечаток ладони, и почему-то мне казалось, что Рейгар старается не смотреть на него снова. Потому что след на пыльном полу был доказательством не моей истерики, не женской обиды, не «сцены», которой он так боялся. Это был след ребёнка, которого уводили.

Из-за поворота слышались лёгкие шаги.

Я сразу узнала этот шорох ткани.

Селин появилась будто из самой тени, спокойная, собранная, в своём жемчужном платье, которое ни разу не смялось за весь этот кошмар. Она двигалась не быстро, но уверенно, словно все коридоры уже принадлежали ей. За ней шла молодая женщина из прислуги, бледная, с опущенными глазами. В руках у служанки был маленький серебряный кубок с водой.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Рейгар, — сказала Селин мягко. — Старейшины ждут твоего возвращения. Нельзя оставлять зал надолго в такой момент.

Он не обернулся к ней сразу.

Это должно было обрадовать меня, но не обрадовало. Я слишком хорошо понимала: пока он не приказал привести Ноэля, любое его колебание ничего не стоило.

Селин перевела взгляд на меня. Потом на волчонка в моих руках. Потом — на след у двери. Она заметила его. Я увидела это по тому, как на миг напряглись уголки её губ.

— Что здесь происходит? — спросила она.

— Я ищу сына.

— Ноэль в безопасности.

— Где?

Она чуть наклонила голову. Улыбка её была неширокой, почти печальной, и от этого ещё более невыносимой.

— Вивьен, я понимаю, что вам трудно принять перемены, но сейчас вы сами делаете себе больнее. Мальчик напуган.

Ему нужно успокоиться, а не видеть, как взрослые спорят у дверей.

— Прекрасно, — сказала я. — Тогда приведите его ко мне. Я успокою его без споров.

Селин посмотрела на Рейгара.

Не умоляюще. Не испуганно.

С ожиданием.

Будто проверяла, на чьей стороне он встанет в этот раз. И от этой тихой проверки мне стало холодно. Я вдруг поняла, что она не просто хотела занять моё место. Ей было мало кресла рядом с альфой, мало признания истинной, мало за-ла, склонившего головы. Ей нужно было, чтобы Рейгар снова и снова выбирал её при мне. Чтобы каждый его приказ отрезал от меня кусок жизни и пришивал к ней.

— Селин, — сказал он, не сводя с меня взгляда. — Где Ноэль?

Впервые за вечер её лицо изменилось заметно.

Совсем ненадолго. Но я увидела растерянность. Она исчезла почти сразу, растворилась в мягком уколе.

— Разве его не отвели в западное крыло? Так приказал Орден.

— Я приказал оставить его там под охраной, — произнёс Рейгар. — Не переводить.

Служанка за спиной Селин побледнела ещё сильнее.

Я посмотрела на неё.

— Ты знаешь, где мой сын?

Девушка испуганно прижала кубок к груди.

— Я... госпожа, я только принесла воду.

— Кому?

Она не ответила.

Селин повернула к ней голову, и в этом повороте не было угрозы. Только мягкое напоминание о власти, которая страшнее крика.

— Лиара выполняет поручения старшей прислуги, — сказала она. — Не нужно пугать девочку.

— Я не пугаю её. Я спрашиваю, кому она несла воду.

Рейгар протянул руку.

— Лиара.

Девушка вздрогнула так, что вода плеснула на край кубка.

— Альфа...

— Отвечай.

Вот тогда я впервые увидела, как выглядит власть Рейгара, когда она направлена не на меня. Его голос не стал громче, но воздух в коридоре будто уплотнился. Служанка опустила голову, губы её задрожали.

— Наследнику, альфа.

Я шагнула вперёд.

— Где он?

— В малой комнате у зимней галереи.

Рейгар резко повернулся к Селин.

— Кто распорядился?

— Я, — ответила она после короткой паузы.

Тишина.

Даже музыка снизу в этот момент показалась далёкой и ненастоящей.

Селин не дрогнула. Она сложила руки перед собой, тонкие пальцы легли на запястье так изящно, будто она готовилась объяснить не похищение ребёнка, а перемену раскладки за столом.

— Он плакал, — сказала она. — В западном крыле слишком много людей, стража, шум. Я подумала, что малая комната будет тише. Там теплее, и окна выходят в сад. Я хотела как лучше.

Я едва не задохнулась от этой фразы.

Как лучше.

Все сегодня хотели как лучше. Рейгар хотел избежать сцены. Орден хотел сохранить порядок. Селин хотела тишины. Только Ноэль кричал так, что его голос рвал мне сердце.

— Ты не имела права, — сказала я.

Селин посмотрела на меня почти с сожалением.

— Вивьен, я понимаю, что сейчас любое моё действие кажется вам враждебным. Но если вы попытаетесь увидеть ситуацию глазами ребёнка...

— Не смейте учить меня смотреть глазами моего сына.

Рейгар поднял руку, не отрывая взгляда от Селин.

— Довольно. Веди нас к нему.

Она чуть заметно напряглась.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Рейгар, он только начал успокаиваться. Если Вивьен войдёт к нему в таком состоянии, мальчик снова расстроится.

Я сделала шаг к ней.

— Я войду к нему в любом состоянии, в котором мать приходит к своему плачущему ребёнку.

Рейгар резко посмотрел на меня, и, возможно, хотел что-то сказать, но в этот момент из дальнего коридора донёсся слабый звук.

Не крик. Не плач.

Всхлип.

Короткий, усталый, детский.

Я узнала его так, как узнают собственное сердце.

— Ноэль.

Я бросилась вперёд.

На этот раз Рейгар не удержал меня сразу. Может быть, не успел. Может быть, сам услышал в этом всхлипе то, чего не смог выдержать. Я пронеслась мимо Селин, мимо Лиары с кубком, мимо узкой двери бельевой, по служебному коридору, который вел к зимней галерее. Платье цеплялось за углы, одна шпилька выпала из волос и звякнула о камень, но я не остановилась.

Зимняя галерея была частью старого крыла. Здесь зимой выставляли кадки с вечнозелёными деревьями, чтобы дом не казался мёртвым в снегу. Сейчас в длинных окнах отра-

жались огни праздника, а за стеклом чернел сад. В конце галереи горела одна лампа у малой комнаты.

У двери стоял страж.

Я узнала его. Тэрон. Один из тех, кто охранял детскую после рождения Ноэля. Он когда-то приносил сыну деревянного коня, вырезанного своими руками. Теперь стоял у двери и не смотрел мне в глаза.

— Открой, — сказала я.

Он не шевельнулся.

Позади меня раздались шаги Рейгара.

— Открой, — повторил он.

Тэрон взялся за ручку.

Я едва не оттолкнула его, потому что каждая секунда была невыносима. Дверь открылась медленно, с тихим скрипом.

В комнате пахло тёплой тканью, свечным воском и детскими слезами.

Ноэль сидел на низкой кушетке у окна. На нём была светлая рубашка, одна пуговица расстёгнута, волосы спутались на затылке. Лицо покраснело от плача, ресницы слиплись, маленькие пальцы комкали край покрывала. Рядом стояла незнакомая женщина из прислуги, а на столике — тарелка с нетронутыми фруктами.

Он поднял голову.

На миг просто смотрел, будто боялся, что я исчезну.

А потом сполз с кушетки так быстро, что чуть не упал.

— Мама!

Я упала на колени раньше, чем он добежал. Он врезался в меня всем маленьким телом, обвил руками шею и вцепился так крепко, что у меня перехватило дыхание. Тёплая щёка прижалась к моей, мокрая, дрожащая. Я обняла его, закрыла собой, спрятала от всех — от Рейгара, от Селин, от стаи, от старых законов, от всего мира, который вдруг решил, что ребёнка можно отнять у матери и назвать это порядком.

— Мама, я звал, — всхлипывал он. — Я звал, а ты не пришла.

Эти слова вошли в меня глубже любого ножа.

— Я пришла, мой хороший. Я пришла. Я рядом. Слышишь? Я рядом.

— Они сказали, ты ушла.

Я прижала его сильнее.

— Нет. Нет, Ноэль. Я бы никогда не ушла от тебя.

Он поднял голову, и в его глазах было такое отчаянное, детское недоверие к миру, что я едва не разрыдалась прямо перед ним. Но нельзя было. Если я заплачу сейчас, он испугается ещё больше. Я провела ладонью по его волосам, потом по щеке, вытерла слёзы большим пальцем.

— Смотри, кто со мной.

Я показала синего волчонка.

Ноэль схватил игрушку обеими руками и прижал к груди между нами.

— Я потерял его.

— Он нашёл меня, — прошептала я. — И привёл к тебе.

Маленькие губы дрогнули. Он попытался улыбнуться, но вместо этого снова всхлипнул и спрятал лицо у меня на шее.

Я качала его, как качала в младенчестве, когда он не мог уснуть после грозы. Только теперь гром был не за окном. Он стоял у двери, молчаливый, высокий, с лицом человека, который видит последствия собственного решения и всё ещё не знает, как признать их вслух.

— Ноэль, — сказал Рейгар.

Сын вздрогнул и прижался ко мне ещё сильнее.

Я почувствовала это всем телом.

Рейгар тоже увидел.

Его лицо изменилось. Не резко, не драматично, но будто что-то тяжёлое легло на него изнутри. Он сделал шаг в комнату, потом остановился.

— Сын.

Ноэль не поднял головы.

— Не хочу.

Тишина стала почти непереносимой.

Рейгар стоял так, будто одно детское «не хочу» оказалось сильнее любого совета старейшин. Селин вошла за ним и остановилась у двери. Её лицо снова было мягким, но глаза стали внимательнее, холоднее.

— Малыш, — сказала она нежно, — ты же помнишь, мы договорились не плакать?

Я медленно подняла голову.

— Что вы ему сказали?

— Ничего дурного, — ответила Селин. — Я пыталась успокоить его.

Ноэль вдруг сжал мой ворот маленькими пальцами.

— Она сказала, ты теперь не будешь спать рядом.

Мой взгляд сам нашёл Рейгара.

— И это тоже для его спокойствия?

Он смотрел на сына.

— Селин.

В одном имени прозвучало предупреждение.

Она чуть выпрямилась.

— Я сказала правду. Рано или поздно ему придётся привыкнуть к новым правилам. Лучше мягко подготовить ребёнка, чем позволять ему надеяться на невозможное.

— Невозможное? — Я поднялась с колен, не выпуская Ноэля. Он был тяжёлый для долгого держания, уже большой, но я всё равно взяла его на руки. Его ноги обвили моё бедро, волчонок оказался зажат между нашими грудями. — Для моего сына невозможно быть рядом с матерью?

Селин посмотрела на Рейгара, словно ждала, что он снова поставит меня на место.

Он молчал.

И это молчание впервые было не только против меня.

— Вивьен, — сказал он наконец, — отдай Ноэля няне. Мы поговорим спокойно.

Я отступила на шаг.

— Нет.

— Он устал.

— Именно поэтому он останется со мной.

— Ты не можешь вынести его отсюда.

Я встретила его взгляд.

— Тогда попробуй забрать его у меня руками.

В комнате похолодело.

Незнакомая служанка у стены чуть слышно ахнула. Тэрон у двери опустил глаза. Даже Селин перестала изображать сожаление.

Рейгар не двинулся.

Он мог. Конечно, мог. Он был альфой. Он был сильнее меня, сильнее любого в этом доме. Мог приказать, мог забрать Ноэля, мог снова закрыть дверь. Но после того, как сын спрятался от его голоса у меня на шее, сделать это стало бы уже не решением главы стаи. Это стало бы тем, чем было на самом деле: насилием над ребёнком, который хотел к матери.

Ноэль тихо прошептал мне в ухо:

— Мама, не отдавай.

Я закрыла глаза на одно мгновение.

— Не отдам.

Рейгар услышал. Я поняла это по тому, как он сжал кулаки.

— Ты настроиваешь его против меня.

— Нет, Рейгар. Ты сам сейчас стоишь достаточно далеко, чтобы он выбрал, к кому тянуться.

Слова ударили его. Я увидела это. Но не испытала радости. Радость в этой комнате была невозможна. Здесь был только мой сын, дрожащий у меня на руках, и его отец, который слишком поздно начал понимать, что приказами нельзя заставить ребёнка чувствовать себя в безопасности.

Селин сделала шаг вперёд.

— Ноэль, милый, иди ко мне. Мама устала, ей нужно отдохнуть.

Ребёнок повернул голову, посмотрел на неё красными от слёз глазами и вдруг резко спрятал лицо обратно.

— Не хочу.

Селин замерла.

Я почувствовала, как её взгляд стал острым.

— Он просто испуган, — сказала она, обращаясь уже к Рейгару. — В таком возрасте дети цепляются за привычное. Это не значит, что им полезно потакать.

Я устала слушать её голос. Устала от её мягкости, в которой каждое слово было камнем, завёрнутым в шёлк.

— У вас есть дети, Селин?

Она слегка побледнела.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Потому что вы говорите о моём сыне так, будто он вещь, которую можно переставить в другую комнату, накрыть красивой тканью и ждать, когда он перестанет помнить прежнее место.

— Вы несправедливы.

— Сегодня у меня украли ребёнка. Я имею право быть несправедливой.

Рейгар резко выдохнул.

— Хватит.

— Нет. Не хватит. Ты хотел, чтобы я поняла? Я поняла. Ты не просто выбрал истинную, Рейгар. Ты позволил ей войти к нашему сыну раньше меня. Позволил ей говорить ему, что я больше не буду рядом. Позволил ей решать, где его прятать, чтобы я не нашла.

— Я не знал о переводе в эту комнату.

— Но ты создал мир, в котором она решила, что может это сделать.

Эти слова повисли между нами.

Рейгар отвёл взгляд первым.

Очень медленно.

И в этой маленькой победе не было облегчения. Потому что Ноэль всё ещё дрожал. Потому что снизу всё ещё праздновали. Потому что завтра, если не сегодня ночью, они снова попытаются объяснить мне, что мать должна уступить место законам стаи.

Я опустила сына на кушетку, но только для того, чтобы сесть рядом и укутать его в покрывало. Он не выпускал мою руку. Его пальчики были влажными и холодными.

— Ты пил воду? — спросила я тихо.

Он покачал головой.

Лиара всё ещё стояла у двери с кубком. Я протянула руку.

— Дай мне.

Служанка испуганно взглянула на Рейгара. Тот едва заметно кивнул.

Я взяла кубок, пригубила первой — не потому что боялась чего-то дурного, а потому что Ноэль всегда смотрел на меня, когда нервничал, и повторял. Потом поднесла к его губам.

— Маленький глоток. Вот так.

Он послушно выпил немного, всхлипнул, снова прижался ко мне.

— Мама, а папа злится?

Я провела рукой по его спине.

— Папа... — Слова застряли.

Я не могла солгать сыну, что всё хорошо. Не могла сказать, что папа не сделал ничего страшного. Не могла и разрушить его ещё больше.

— Папа ошибся, — произнесла я наконец.

Рейгар поднял на меня взгляд.

Ноэль задумался, потом шепнул:

— А он починит?

У меня защипало глаза.

Дети верят, что взрослые могут починить всё. Сломанную игрушку. Порванный рукав. Испуг. Разбитую семью.

Я не знала, что ответить.

За меня ответил Рейгар.

— Я попробую.

Сын не посмотрел на него. Но перестал плакать на

несколько секунд.

Для Рейгара это, наверное, было больше, чем он заслужил.

Селин тихо сказала:

— Думаю, всем нужно успокоиться. Вивьен может посидеть с ним немного, а потом...

— Я останусь с ним, — сказала я.

— На ночь? — в её голосе впервые прорезалось что-то острое. — Это невозможно. После сегодняшнего объявления...

Рейгар повернулся к ней.

— Почему невозможно?

Селин замолчала.

Я тоже посмотрела на него, не позволяя себе поверить слишком быстро.

— Потому что... — она медленно подбирала слова, снова надевая свою мягкость, — это только запутает ребёнка. Сегодня стая признала меня истинной луной. Если Вивьен останется в доме в прежнем положении, слухи усилятся. Старейшины будут недовольны. Ребёнок должен понимать, где теперь его место.

— Его место рядом со мной, — сказал Рейгар.

Селин облегчённо кивнула.

— Именно.

— И с матерью, пока он нуждается в ней.

Её лицо застыло.

Я боялась вдохнуть. Боялась, что это окажется не защи-

той, а очередной отсрочкой перед новым ударом.

Рейгар говорил медленно, словно каждое слово давалось ему через внутренний спор.

— Вивьен останется с Ноэлем до утра.

Селин побледнела по-настоящему.

— Рейгар, зал ждёт. Старейшины...

— Старейшины подождут.

— Но решение уже объявлено.

— Я не отменяю решение.

Вот оно.

Холодная реальность вернулась так быстро, что глупая искра надежды погасла, не успев согреть.

Рейгар посмотрел на меня.

— Но я не позволю делать из сына оружие.

Я встала медленно, удерживая Ноэля за плечо.

— Поздно. Сегодня ты уже позволил.

Он принял это молча.

Селин смотрела на нас так, будто считала. Сколько слов было сказано. Сколько внимания Рейгар отдал мне. Сколько раз Ноэль отказался идти к ней. И чем дольше длилась эта пауза, тем яснее я понимала: она не смирится. Она не отступит. Утром, вечером, через день — она найдёт другой способ. Более тихий. Более аккуратный. Такой, который Рейгар не заметит сразу.

Я села обратно и притянула Ноэля к себе. Он устроился у меня под боком, обнимая волчонка. Глаза у него слипались,

но он боялся заснуть.

— Я буду здесь, — сказала я ему. — Слышишь? Я никуда не уйду, пока ты спишь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он кивнул, но всё ещё смотрел на дверь.

— А она?

Селин услышала. Конечно, услышала.

Я наклонилась к сыну.

— Никто не заберёт тебя, пока я рядом.

На этот раз Рейгар не поправил меня.

Это было мало. Ничтожно мало. Ночь рядом с сыном вместо права быть его матерью. Крошечная передышка посреди войны, которую мне объявили без моего согласия. Но сейчас Ноэль дышал у меня под рукой, его маленькая ладонь лежала на моём платье, и я собиралась удержать эту передышку зубами, ногтями, всем, что во мне осталось.

Рейгар повернулся к Тэрону.

— Никто не входит без моего приказа. Кроме Миры.

— Да, альфа.

— И Вивьен, — добавила я.

Рейгар посмотрел на меня.

— Что?

— Если я выйду за водой, за одеялом, за чем угодно, меня впустят обратно. Без задержек. Без вопросов. Без приказов Селин, Ордена или кого бы то ни было.

Его взгляд стал тяжёлым. Он не любил, когда с ним говорили условиями. Особенно при стражах. Особенно после того, как его власть уже дала трещину в глазах тех, кто стоял рядом.

Но я больше не была женщиной, которая боялась показаться неудобной.

— Хорошо, — сказал он.

Селин едва заметно сжала пальцы.

— Рейгар...

— Ты вернёшься в зал, — произнёс он, не глядя на неё.

— Я сейчас приду.

Она улыбнулась. На этот раз улыбка получилась тонкой.

— Конечно.

Она развернулась к двери, но задержалась у порога. Её взгляд скользнул по Ноэлю, по моей руке на его плечах, по синему волчонку.

— Спокойной ночи, малыш, — сказала она.

Ноэль молчал.

Селин перевела взгляд на меня.

— Надеюсь, завтра ему будет легче.

Я ответила так же тихо:

— Завтра он проснётся с матерью. Уже легче.

Её глаза сузились всего на миг.

Потом она ушла.

Когда её шаги стихли, комната будто стала теплее. Но ненадолго. Рейгар остался у двери, и его присутствие не да-

вало забыть, что эта ночь не победа. Он позволил мне остаться не потому, что признал моё право, а потому что увидел слишком много сразу: след в пыли, страх сына, ложь Селин, мой отказ уйти.

Я гладила Ноэля по волосам и ждала, когда он заговорит. Ребёнок боролся со сном, моргал всё медленнее, но пальцы всё ещё держали моё платье.

— Мама, — прошептал он.

— Я здесь.

— Ты завтра тоже будешь?

Я посмотрела на Рейгара.

Он стоял неподвижно.

— Я сделаю всё, чтобы быть рядом, — сказала я сыну.

Ноэль нахмурился сквозь сон.

— Это не “да”.

Сердце болезненно сжалось.

— Ты стал слишком умным, мой волчонок.

— Папа говорит, наследник должен понимать слова.

Я провела пальцами по его щеке.

— Тогда наследник должен знать правду. Я хочу быть с тобой. Больше всего на свете.

Он кивнул, будто этого ему хватило на ближайший вдох, и наконец закрыл глаза.

Мы молчали, пока его дыхание не стало ровнее.

Только тогда Рейгар подошёл ближе. Остановился у края кушетки, не садясь. Его взгляд был прикован к сыну. В нём

не было прежней ледяной уверенности, и это раздражало меня почти так же сильно, как его холодность раньше. Я не хотела видеть его сомнения сейчас. Не хотела знать, что где-то под властью альфы ещё жив отец. Потому что от этого становилось больнее: значит, он мог иначе. Значит, выбирал не иначе.

— Он боялся, — сказал Рейгар глухо.

Я не подняла головы.

— Да.

— Я не хотел этого.

— Но сделал.

Он промолчал.

Я поправила покрывало на плечах Ноэля.

— Ты правда думал, что он спокойно примет новую мать за один вечер?

— Селин не его мать.

— Тогда почему она говорит ему, что я больше не буду рядом?

Рейгар отвёл взгляд к окну. За стеклом отражались наши фигуры: я с ребёнком, он рядом, но отдельно. Какая-то странная, сломанная картина семьи.

— Я поговорю с ней.

— Поговоришь, — повторила я. — А потом вернёшься в зал, где все поздравят тебя с истинной. Завтра старейшины принесут бумаги. Послезавтра мне покажут дом на южной окраине. Через неделю Ноэля начнут учить не плакать

по мне. Через месяц он перестанет спрашивать вслух, потому что поймёт: взрослые сердятся, когда ребёнок хочет к матери.

— Хватит.

Я наконец посмотрела на него.

— Тебе больно слышать? А ему каково жить внутри этого?

Рейгар опустился на кресло напротив. Усталость на его лице стала заметнее. Он провёл ладонью по волосам, и этот жест был таким знакомым, домашним, что у меня внутри снова что-то дрогнуло. Я ненавидела эту память. Она была предательницей, потому что подсовывала мне не альфу у двери, а мужчину, которого я когда-то любила.

— Вивьен, истинная связь не спрашивает разрешения, — сказал он тихо.

— А отцовство спрашивает?

Он вскинул глаза.

— Не ставь одно против другого.

— Это ты поставил. Сегодня. Перед всей стаей.

Он хотел ответить, но Ноэль пошевелился во сне, и мы оба замолчали. Сын прижал волчонка ближе, губы его дрогнули.

— Мама...

— Здесь, — прошептала я сразу. — Я здесь.

Он успокоился.

Рейгар смотрел на него так, будто видел впервые.

— Он никогда раньше так не боялся меня.

— Потому что раньше ты не стоял между ним и мной.

Эта фраза упала тихо, без крика. Но, кажется, именно поэтому Рейгар услышал её до конца.

За дверью послышались шаги. Тэрон коротко постучал.

— Альфа.

Рейгар поднялся.

— Что?

— Старейшина Орден просит вас вернуться. Гости ждут объявления о завтрашнем обряде признания истинной луны.

Я почувствовала, как пальцы сами сжались на покрывале.

Завтрашний обряд.

Значит, сегодняшний удар был только началом. Они не просто объявили Селин истинной. Они собирались закрепить её положение перед стаей так, чтобы спорить стало почти невозможно. Обряд признания луны означал не только место рядом с альфой. Он давал ей право участвовать в решениях дома, касающихся наследника.

Касающихся Ноэля.

Я посмотрела на Рейгара.

— Нет.

Он повернулся ко мне.

— Вивьен...

— Она не будет иметь права на моего сына.

— Обряд касается стаи.

— Всё у вас касается стаи, когда нужно отнять у меня семью.

Тэрон у двери стоял, опустив глаза, но я видела, как напряжены его плечи. Он слышал каждое слово. И пусть слышит. Пусть весь дом слышит.

Рейгар шагнул ближе, голос стал ниже:

— Мы не будем обсуждать это сейчас, пока Ноэль спит.

— А когда? Когда она уже станет луной? Когда мне принесут бумагу, где будет написано, что будущая луна отвечает за воспитание наследника? Когда мой сын снова проснётся и услышит, что теперь должен привыкать?

Он молчал.

Я медленно встала, осторожно высвободив край платья из пальцев Ноэля. Сын заворочался, но не проснулся. Я положила его ладонь на волчонка и только потом повернулась к Рейгару.

— Я не выйду из этой комнаты без него.

— Ты не можешь ставить мне условия.

— Уже ставлю.

— Ты понимаешь, что будет, если я позволю тебе забрать наследника из главного дома в ночь объявления истинной?

— А ты понимаешь, что будет, если попытаешься снова отнять его у меня на глазах у стражи?

Наши взгляды встретились.

В этот раз я не отступила.

Потому что за моей спиной спал Ноэль. Потому что на полу у бельевой остался след его ладони. Потому что в зале уже выбрали новую луну, но никто не спросил ребёнка, чья

мама для него была домом.

Рейгар медленно выдохнул.

— До утра ты остаёшься здесь. Завтра совет решит порядок встреч.

— Нет.

Его глаза потемнели.

— Нет?

— Моё материнство не будет “порядком встреч”. Ты можешь развестись со мной. Можешь назвать её истинной. Можешь отдать мне дом на окраине и приказать стае забыть, что я была твоей женой. Но если ты думаешь, что я соглашусь видеть сына по расписанию, ты плохо меня знаешь.

Он смотрел на меня долго. Потом тихо сказал:

— Возможно, я действительно плохо тебя знал.

Эти слова могли бы стать началом чего-то важного в другой жизни.

В этой — они были слишком поздними.

За дверью снова послышалось движение. На этот раз шаги были мягче, осторожнее. Потом голос Селин, приглушённый, но отчётливый:

— Рейгар, прости. Я не хотела мешать, но Орден настаивает. Обряд нельзя откладывать. Если стая увидит сомнения, начнутся разговоры.

Рейгар закрыл глаза на мгновение.

Я вдруг ясно поняла: сейчас он снова сделает выбор. Не окончательный, может быть. Не такой громкий, как в зале.

Но выбор. Между сыном, который только что уснул после слёз, и стаей, которая ждёт красивого продолжения праздника. Между моей правдой и её правильными словами.

Он открыл глаза.

— Я вернусь в зал.

Сердце упало.

Конечно.

— Ноэль остаётся с Вивьен до утра, — добавил он громче, чтобы услышали за дверью. — Это мой приказ.

За дверью повисла пауза.

— Как скажешь, — ответила Селин.

Слишком мягко.

Слишком быстро.

Я не поверила ни одному звуку в её голосе.

Рейгар направился к выходу, но у двери остановился и посмотрел на сына. Впервые за весь вечер он выглядел не как альфа, а как мужчина, который оставляет в комнате не только ребёнка, но и часть собственной уверенности.

— Если что-то понадобится, скажешь Тэрону.

— Мне нужен только сын.

Он принял удар молча и вышел.

Дверь закрылась.

Я осталась в комнате с Ноэлем, тёплой лампой, нетронутыми фруктами и ощущением, что ночь вокруг нас ещё не закончилась. Я подошла к двери и прислушалась. Голоса в коридоре стихали. Селин что-то сказала Рейгару уже даль-

ше, слов было не разобрать, но интонация у неё оставалась ровной. Не обиженной. Не побеждённой.

Опасной.

Я вернулась к кушетке и села рядом с сыном. Он спал неровно, иногда вздрагивал. Я гладила его волосы, пока собственные глаза не начали гореть от усталости.

В какой-то момент дверь тихонько приоткрылась.

Я резко подняла голову.

На пороге стояла Мира. В руках у неё было сложенное одеяло и маленькая ночная рубашка Ноэля.

— Альфа разрешил мне войти, — прошептала она.

Я кивнула, и она быстро проскользнула внутрь, прикрыв за собой дверь.

— Он спит?

— Почти.

Мира подошла ближе, посмотрела на Ноэля и закрыла рот ладонью. Слёзы снова выступили у неё на глазах.

— Я сказала ему, что вы рядом. Как вы просили. Но он всё равно плакал.

— Кто унёс его из детской?

Она побледнела.

— Орден приказал. Потом пришла госпожа Селин и сказала, что западное крыло слишком людное. Я хотела пойти с ним, но меня не пустили.

— Кто был с Ноэлем здесь?

— Лиара. Она добрая, но боится Селин.

Я погладила сына по плечу.

— Все её бояться?

Мира отвела взгляд.

Этого хватило.

— Госпожа, — прошептала она после паузы, — я не знаю, правда ли это, но внизу служанки говорят... завтра после обряда Селин получит право выбрать для наследника новую воспитательницу.

Я медленно повернула к ней голову.

— Что?

— Старейшины считают, что прежняя прислуга слишком привязана к вам. Они хотят заменить тех, кто служил в детской.

Комната качнулась.

Вот как.

Не сразу отнять Ноэля полностью. Сначала убрать всех, кто помнит, как я кормила его с ложки, как пела ему перед сном, как держала над тазом тёплую воду, пока он смеялся и хлопал ладонями. Убрать Миру. Убрать Нару. Убрать любые глаза, которые могли бы сказать: ребёнок скучает, ребёнок плачет, ребёнок ждёт мать.

Селин не спешила.

Она строила клетку.

Прутик за прутиком.

Я наклонилась к Ноэлю и поправила волчонка у его руки.

— Мира, — сказала я тихо. — Утром мне понадобится

ты. Не как няня. Как свидетель.

Она испуганно посмотрела на меня.

— Свидетель чего?

Я провела пальцами по краю покрывала, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Того, что мой сын боится оставаться без меня. Того, что его тайно перенесли в другую комнату. Того, что ему сказали, будто я ушла. И того, что Селин не имеет права решать за него.

Мира побледнела до губ.

— Старейшины не станут слушать меня.

— Станут, если я заставлю их услышать.

Я сама не знала, как. Но впервые за этот вечер во мне появилась не только боль и не только желание бежать по коридорам за каждым детским всхлипом. Появилась мысль. Осторожная, жёсткая, уже не материнский крик, а начало борьбы.

Мира хотела что-то ответить, но в этот момент Ноэль пошевелился.

— Мама...

Я сразу наклонилась.

— Я здесь.

Он приоткрыл глаза. Сонные, мутные от слёз.

— Она сказала... — Он запнулся и потёр нос кулачком.
— Она сказала, если я буду хорошим, ты сможешь иногда приходить.

Кровь в моих венах стала ледяной.

Мира застыла.

Я медленно обняла сына, чтобы он не увидел моего лица.

— Кто сказал, мой хороший?

Ноэль сонно шевельнул губами.

— Новая мама.

Тишина в комнате стала такой плотной, что я слышала, как за окном ветка царапнула стекло.

Я подняла глаза на Миру.

Та стояла белее полотна.

Ноэль уже снова проваливался в сон, не понимая, что только что произнёс слова, которые окончательно изменили эту ночь.

Я поцеловала его в висок.

— У тебя нет новой мамы, — прошептала я. — И никогда не будет.

Потом осторожно уложила его обратно, поднялась и взяла со стола пустой лист, оставленный для распоряжений прислуге, и угольный карандаш.

Руки дрожали, но буквы выходили ровными.

«Я, Вивьен Харлоу, мать наследника Ноэля Блэквуда, требую утреннего совета стаи до обряда признания Селин Морроу. Требую заслушать меня, ребёнка и свидетелей. До решения совета запрещаю выводить Ноэля из комнаты без моего присутствия».

Я поставила подпись.

Потом протянула лист Мире.

— Отнеси Тэрону. Пусть передаст альфе сейчас.

— Госпожа, если он разгневается...

— Пусть.

Мира взяла лист обеими руками, будто он был не бумагой, а огнём.

Я посмотрела на спящего сына и впервые за эту ночь ясно почувствовала: я больше не прошу разрешения быть матерью.

За дверью послышался приглушённый голос Селин. Она вернулась раньше, чем я ожидала.

— Вивьен? Я хотела пожелать Ноэлю спокойной ночи.

Мира застыла с письмом в руках.

Я медленно повернулась к двери.

Селин постучала мягко, почти ласково.

— Можно войти?

Ноэль во сне крепче прижал к себе синего волчонка.

Я подошла к двери, встала так, чтобы закрыть собой комнату, сына и Миру с письмом.

— Нет, — сказала я.

За дверью стало тихо.

А потом Селин произнесла всё тем же нежным голосом:

— Придётся привыкать, Вивьен. С завтрашнего дня он будет называть мамой меня.

Глава 3. Приговор

Я стояла у двери, закрывая собой комнату, где спал мой сын, и слушала, как за тонкой деревянной преградой чужая женщина спокойно произносит слова, от которых у меня внутри поднималась такая холодная ярость, что даже дыхание стало ровным.

— Придётся привыкать, Вивьен, — повторила Селин чуть тише, будто мы разговаривали не через дверь, а за чайным столиком, где приличные женщины обсуждают погоду и вышивку. — С завтрашнего дня он будет называть мамой меня.

Мира за моей спиной судорожно вдохнула. Я не повернулась к ней, но услышала, как бумага в её руках тихо зашелестела. Моё письмо к Рейгару — ещё единственная тонкая нитка, которой я пыталась удержать эту ночь от полного падения в бездну.

Ноэль спал на кушетке. Неровно, тревожно. Иногда его пальцы сжимали синего волчонка так крепко, будто даже во сне он боялся, что игрушку отнимут, как пытались отнять меня. Я не могла позволить себе кричать. Не могла рвануть дверь и вцепиться Селин в жемчужное платье, хотя тело требовало именно этого — ударить, вытолкнуть, стереть с её лица мягкую уверенность женщины, которая уже примерила на себя мою жизнь.

Я медленно положила ладонь на дверную ручку.

— Селин, — сказала я негромко, чтобы не разбудить сына, — вы можете стоять за этой дверью хоть до рассвета. Можете шептать угрозы, прикрываясь заботой. Можете завтра улыбаться старейшинам и говорить о благе наследника. Но запомните одну вещь: Ноэль не вещь, которую вам передали вместе с креслом луны.

За дверью повисла пауза.

Я почти видела её лицо: спокойный наклон головы, чуть приподнятые брови, губы, готовые сложиться в улыбку. В первый вечер она ещё играла роль благородной истинной, вынужденной принять чужую боль. Но стоило Рейгару уйти, стоило в коридоре остаться только нам, как тонкая ткань её маски стала прозрачнее.

— Вы устали, — произнесла она наконец. — Утром вам будет стыдно за эти слова.

— Утром мне будет стыдно только в одном случае, если я позволю вам войти.

На этот раз тишина длилась дольше.

Потом Селин тихо засмеялась. Очень коротко, почти беззвучно, но мне хватило. В этом смешке не было ни обиды, ни боли. В нём была уверенность взрослой женщины, которая смотрит на ребёнка, решившего удержать море ладонями.

— До утра, Вивьен.

Шаги удалились по коридору.

Я стояла ещё несколько секунд, не двигаясь, пока не убедилась, что она действительно ушла. Только потом медленно

выдохнула и повернулась к Мире.

Та прижимала письмо к груди, будто боялась, что оно вспыхнет.

— Иди, — прошептала я. — Сейчас.

— Госпожа, если она увидит...

— Она уже увидела достаточно. Иди через служебный проход. Если Тэрон у двери, передай ему. Если нет — найди Рейгара сама. Только не отдавай письмо Ордену.

Мира побледнела при имени старейшины.

— Он может приказать мне молчать.

— Тогда скажи, что приказ матери наследника был передан при свидетеле.

— При каком свидетеле?

Я посмотрела на спящего Ноэля.

— При его сыне.

Мира сжала губы, словно хотела заплакать, но сдержалась. В эту ночь все мы учились сдерживать слёзы не потому, что стали сильнее, а потому что плакать было некогда.

Она осторожно спрятала письмо в складки передника и вышла. Дверь закрылась за ней тихо, почти беззвучно. Я повернула ключ в замке и прислонилась лбом к дереву. Снаружи снова стало тихо, но эта тишина уже не успокаивала. В ней прятались шаги, приказы, шёпот старейшин, мягкий голос Селин, который, казалось, мог просочиться даже сквозь стены.

Когда я вернулась к кушетке, Ноэль открыл глаза.

— Мама?

Я сразу села рядом и взяла его руку.

— Я здесь.

— Она ушла?

Голос у него был сонный, но в нём остался страх. Не тот быстрый страх, когда ребёнок пугается громкого звука, а липкий, взрослый, который не уходит сразу, потому что кто-то успел вложить в маленькую голову слишком страшные слова.

— Ушла, мой хороший.

— Она сказала, я должен быть хорошим.

Я погладила его по волосам, осторожно распутывая прядку у виска.

— Ты и так хороший.

— Если я буду плохим, тебя не пустят?

У меня на мгновение потемнело в глазах.

Вот как это делалось. Не криком, не угрозой, не прямой жестокостью, которую можно показать Рейгару и заставить его увидеть. Мягко. Через детскую вину. Через страх быть причиной материнского изгнания. Через эту маленькую дрожащую веру, что если он будет достаточно послушным, мама останется.

Я наклонилась и поцеловала его пальчики.

— Послушай меня очень внимательно, Ноэль. То, что происходит между взрослыми, не твоя вина. Никогда. Ты можешь плакать, сердиться, бояться, говорить, что хочешь ко

мне. От этого я не перестану любить тебя и не уйду.

Он смотрел на меня серьёзно, пытаясь понять каждое слово.

— А папа?

Я задержала дыхание.

За одну ночь мне пришлось искать слишком много ответов, которых не должно быть у матери для трёхлетнего ребёнка. Мне хотелось сказать, что папа тоже любит его. И, может быть, это было правдой. Но любовь Рейгара сегодня стояла где-то далеко, за стеной из решений, старых законов, чужого влияния и его собственной гордости.

— Папа любит тебя, — сказала я наконец, выбирая каждое слово так осторожно, словно шла босиком по осколкам. — Но папа сделал больно. Иногда взрослые ошибаются очень сильно. Это не значит, что ты должен перестать его любить. И не значит, что ты должен делать вид, будто тебе не больно.

Ноэль нахмурился.

— А он скажет прости?

Я посмотрела на дверь.

— Должен.

Сын сонно кивнул, как будто это было правило, которое он мог принять: если больно — надо сказать «прости». Детский мир ещё был честнее нашего.

Он заснул ближе к рассвету. Я не спала вовсе. Сидела рядом, держа его ладонь, и смотрела, как сереют окна. Ночь

уходила не мягко, а нехотя, оставляя за собой тяжёлый вкус воска, чужих голосов и несказанных слов. Время от времени в коридоре раздавались шаги. Один раз останавливались у двери, но никто не постучал. Дважды я слышала приглушённые мужские голоса, один из которых принадлежал Тэрону. Потом ближе к утру кто-то тихо положил что-то у порога и ушёл.

Я открыла только после того, как убедилась, что за дверью никого нет.

На полу лежал сложенный лист.

Печать Рейгара.

Я подняла его с таким чувством, будто беру в руки не бумагу, а ответ на вопрос, решится ли он этой ночью хотя бы на один поступок, который не будет против меня.

Письмо было коротким.

«Совет состоится утром до обряда. Ноэль остаётся в малой комнате до решения совета. Не предпринимай попыток покинуть дом с наследником».

Ни подписи «Рейгар». Ни обращения. Ни одного слова о том, что он слышал, понял, пожалел.

Но совет будет.

Я медленно сложила лист и спрятала его за корсаж платья.

Это была не победа. Скорее щель в стене, слишком узкая, чтобы пройти, но достаточная, чтобы увидеть свет по другую сторону. Я не знала, кто будет на этом совете, сколько голосов уже куплено страхом, властью и желанием угодить новой

луне. Не знала, позволят ли Ноэлю говорить, или старейшины решат, что ребёнок слишком мал и его слёзы ничего не значат.

Но я знала одно: я выйду туда не просить милости.

Когда Мира принесла таз с тёплой водой и чистую рубашку для Ноэля, за окнами уже бледнело утро. Она вошла тихо, с красными глазами и решимостью на лице, которой не было вчера.

— Тэрон передал письмо альфе, — сказала она, закрывая дверь. — Я видела, как он вошёл в малый зал совета. Потом вышел старейшина Орден. Он был очень недоволен.

— Значит, письмо прочитали.

— Да. И ещё... — Мира поставила таз на низкий столик и понизила голос. — В доме говорят, что сегодня подготовили не только бумаги о разводе.

Я подняла на неё взгляд.

— Какие бумаги?

Она посмотрела на Ноэля, который всё ещё спал, и подошла ближе.

— Я слышала от писаря. Приказ об опеке. Старейшины хотят оформить всё сразу, пока стая собралась и пока обряд признания госпожи Селин не начался.

Сначала я не поняла.

Развод был страшен, но его я уже услышала вчера перед всей стаей. Дом на окраине, содержание, изгнание из прежней жизни — всё это было больно, унижительно, но не смер-

тельно. Я могла пережить потерю статуса. Могла пережить шёпот за спиной. Могла пережить даже то, что Рейгар назвал истинной дружью.

Но опека...

— Что значит оформить? — спросила я, хотя ответ уже поднимался внутри ледяной волной.

Мира не сразу смогла произнести.

— Чтобы наследник официально остался в доме альфы. А ваше право видаться с ним... определялось советом.

Я закрыла глаза.

Вчера у меня пытались забрать сына руками, дверями, стражей и ложью. Сегодня собирались сделать это чернилами.

Навсегда.

Ноэль зашевелился на кушетке, открыл глаза и сонно потянулся ко мне.

— Мама?

Я заставила лицо смягчиться.

— Доброе утро, мой волчонок.

Он сел, прижимая к себе игрушку, и оглядел комнату. Первые секунды после сна были хрупкими: мир ещё мог показаться обычным, если рядом мама, если утро светлое, если вода в тазу тёплая. Потом память вернулась, и его маленькое лицо стало серьёзным.

— Мы домой?

Я подошла к нему и опустилась рядом.

— Мы пока здесь.

— А наш дом где?

Я не знала, что боль может быть такой тихой. Не ударом, не криком, а детским вопросом, в котором рушится всё, что взрослые называли порядком.

— Там, где мы вместе, — сказала я.

Ноэль подумал, потом кивнул, принимая это как новую важную истину.

Мира помогла умыть его. Он послушно подставлял руки, морщился, когда вода касалась лица, но всё время держался за край моего рукава. Я видела, как Мира отворачивается, чтобы скрыть слёзы. Мне тоже хотелось плакать, когда я застёгивала на сыне маленькую жилетку и поправляла ворот. Но я не могла выйти на совет с лицом женщины, которую можно жалеть и не слушать.

Поэтому я умылась холодной водой, расплела испорченную причёску и собрала волосы заново — проще, строже. Праздничное платье помялось за ночь, на подоле осталась пыль служебных коридоров, но переодеваться было не во что. И, может быть, это было правильно. Пусть они увидят меня такой, какой сделали: не нарядной женой альфы у помоста, а матерью, которая провела ночь у двери сына.

В коридоре нас ждал Тэрон.

Он выпрямился, когда я вышла, и на миг его взгляд опустился к Ноэлю. В нём мелькнуло что-то тёплое и виноватое.

— Совет собрался, госпожа.

Слово «госпожа» прозвучало тихо, но твёрдо.

Я заметила это.

— Нас проводят?

— Да.

— Я иду с сыном.

Тэрон помедлил.

— Альфа приказал привести вас. Наследника... тоже.

Из малой комнаты в коридор тянуло прохладой. Ноэль крепко держал меня за руку, второй рукой прижимая к груди волчонка. Мира шла чуть позади. Никто не сказал ей остаться, и я была благодарна Тэрону за то, что он будто не заметил её присутствия.

Мы шли не теми коридорами, которыми я вчера бежала за голосом сына. Теперь дом был утренним, слишком светлым для ночных преступлений. Слуги прижимались к стенам, когда мы проходили. Кто-то смотрел с жалостью, кто-то с любопытством, кто-то быстро опускал глаза. Новости уже расплзлись по дому: Вивьен потребовала совет, наследник плакал, Селин не вошла к ребёнку, альфа отложил часть обряда.

Я не знала, что из этого правда в их пересказах, но чувствовала, как взгляды касаются моей спины.

Ноэль тоже чувствовал. Он жался ближе.

— Мама, они на меня смотрят.

— Потому что ты важный.

— Как папа?

— По-другому.

— А как?

Я сжала его руку.

— Как мальчик, которого любят.

Он замолчал. Может быть, понял не всё. Но успокоился немного.

Малый зал совета находился в восточном крыле, за тяжёлыми дверями с волчьими головами на резных створках. Я бывала там раньше несколько раз — как жена альфы, молчаливая, красиво одетая, присутствующая скорее для порядка, чем для голоса. Сегодня, когда двери распахнулись, я почувствовала, как старый страх пытается подняться во мне привычной волной.

Зал был полон.

Не только старейшины. Там стояли главы родов, несколько воинов, писарь у длинного стола с уже разложенными бумагами. Рейгар находился у дальнего окна, в чёрной одежде без вчерашней серебряной застёжки. Он не спал — это было видно сразу. Лицо стало строже, под глазами легли тени. Селин сидела справа от старейшины Ордена, в светлом платье, свежая, спокойная, с убранными волосами и выражением тихого достоинства. Рядом с ней пустовало то самое место, которое вчера предназначалось новой луне.

Моего места не было.

Я вошла, держа Ноэля за руку.

Разговоры стихли.

Рейгар сразу посмотрел на сына. Ноэль тоже увидел отца и остановился. Его пальцы сильнее сжали мою ладонь.

Я наклонилась к нему.

— Я рядом.

Он кивнул.

— Вивьен Харлоу, — произнёс Орден, ударив посохом о пол. — Совет собран по вашему требованию, хотя подобные вопросы обычно решаются старшими рода и альфой.

— Подобные вопросы касаются моего сына, — ответила я. — Поэтому я здесь.

Старейшина сжал губы.

— Наследник является достоянием стаи.

— Наследник является ребёнком.

В зале кто-то тихо шевельнулся. Не одобрительно и не возмущённо — скорее удивлённо. Будто само слово «ребёнок» здесь прозвучало неприлично просто среди печатей, родов и законов.

Рейгар не вмешался.

Пока.

Орден повернулся к нему.

— Альфа, с вашего позволения, совет начнёт с расторжения брака.

Я почувствовала, как Ноэль поднял голову.

— Брака? — шепнул он.

Я сжала его руку.

— Тихо, мой хороший.

Писарь пододвинул первый лист к центру стола. Перо уже лежало рядом, кончик его был тёмным от чернил. Всё подготовлено заранее. Так же, как вчера был подготовлен новый стул Селин. Так же, как заранее увезли Ноэля из детской.

Я смотрела на бумагу и вдруг ясно представила, как кто-то писал моё имя аккуратным почерком, выводил строки о расторжении союза, о моём будущем доме, о содержании, о прекращении обязанностей луны. Писал спокойно, не слыша детского плача. Не вспоминая, как этот брак дышал, болел, ждал, надеялся. Для них любовь стала формулой. Брак — распоряжением. Материнство — следующим документом в стопке.

— Вивьен Харлоу, — сказал Орден, — вы подтверждаете, что были уведомлены о решении альфы расторгнуть брачный союз в связи с открытием истинной связи?

— Нет.

Старейшина поднял брови.

— Что значит нет?

— Я не была уведомлена. Мне объявили о разводе публично, перед стаей, без предупреждения, без разговора и без права хотя бы подготовить ребёнка.

Селин мягко вмешалась:

— Иногда промедление только усиливает боль.

Я посмотрела на неё.

— Вы сегодня будете отвечать за свои слова отдельно.

Она чуть побледнела, но удержала улыбку.

Рейгар наконец оторвался от окна.

— Достаточно.

Я повернулась к нему.

— Для кого?

Он встретил мой взгляд, и на этот раз в нём не было вчерашней ледяной глухоты. Но и защиты не было. Только усталое напряжение человека, который всё ещё пытается удержать сразу власть, новую истинную, старые законы, сына и женщину, которую уже лишил почти всего.

— Совет будет говорить по порядку, — сказал он.

— Тогда начните с главного. Почему документы об опеке подготовлены вместе с разводом?

В зале стало тихо.

Слишком тихо.

Рейгар медленно повернул голову к Ордену.

— Какие документы?

И вот это было второе утро подряд, когда я увидела: он не знает всего.

Но меня это уже не спасало. Его незнание не возвращало мне сына. Оно только доказывало, что вокруг моего ребёнка уже плетут решения быстрее, чем альфа успевает их замечать.

Орден выпрямился.

— Проект приказа, альфа. В соответствии с древним правом наследник после расторжения брака остаётся в главном доме. Мы лишь подготовили форму, чтобы не затягивать

необходимое.

— Я не давал распоряжения подписывать приказ сегодня.

— Но вы объявили, что наследник остаётся.

Рейгар промолчал.

Селин опустила глаза.

Я увидела всё: Орден спешил закрепить власть дома. Селин спешила занять место матери. Рейгар вчера дал им основание, а сегодня удивлялся, что они пошли дальше. Только Ноэль был между ними не человеком, а печатью на будущем стаи.

— Покажите приказ, — сказала я.

Орден перевёл на меня взгляд.

— Это внутренний документ совета.

— Там имя моего сына.

— Там имя наследника.

— Это одно и то же только для тех, кто не держал его ночью, пока он плакал.

Рейгар шагнул к столу.

— Покажи.

Орден помедлил, но спорить при всех не стал. Он кивнул писарю. Тот вынул из нижней стопки второй лист, более плотный, с красной лентой у края.

Я почувствовала, как Ноэль прижался к моей ноге.

— Мама?

— Всё хорошо.

Я солгала, потому что иногда мать лжёт не для того, что-

бы скрыть правду, а чтобы ребёнок мог сделать следующий вдох.

Писарь начал читать.

Сначала слова шли ровно, сухо, как дождь по камню: «В связи с расторжением брака между альфой Рейгаром Блэквудом и Вивьен Харлоу... учитывая статус наследника... во избежание угрозы влияния эмоционально нестабильной стороны... ради сохранения порядка воспитания...»

Эмоционально нестабильной.

Я почти физически ощутила, как эти слова пытаются лечь на меня клеймом. Вчера у меня отняли ребёнка, а сегодня мою боль уже внесли в документ как доказательство моей непригодности.

— Остановитесь, — сказала я.

Писарь запнулся.

Орден нахмурился.

— Чтение не окончено.

— Кто назвал меня эмоционально нестабильной?

Никто не ответил.

Я посмотрела на Рейгара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.